

Криминальный роман:
любовь и преступление

Галина Романова

ДОЖИТЬ ДО УТРА

Москва

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р69

Редактор серии *Л. Адаменко*
Оформление серии *Н. Ярусовой*
Дизайн обложки *Н. Каштыкиной*

Романова, Галина Владимировна.

Р69 *Дожить до утра* : [роман] / Галина Романова. — Москва :
Эксмо, 2025. — 320 с.

ISBN 978-5-04-227260-8

У Ксении было все: любовь, работа, мечты. И вдруг в одночасье она теряет любимого, да еще кто-то из давних завистников потихоньку прибирает к рукам ее ателье и магазины. Теперь первая красавица города вынуждена жить в коммуналке и торговать арбузами на рынке. Что помогает ей не ожесточиться, что удерживает на плаву, когда отвернулись подруги и покровители, а ее исстрадавшееся сердце, кажется, само притягивает все новые несчастья?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Романова Г.В., 2025
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо»,
2025

ISBN 978-5-04-227260-8

*Отъици всему начало,
И ты многое поймешь...*

ГЛАВА 1

– Арбузы! Арбузы! Дыни! Дыни... Арбузы! Подходи, налетай! Арбузы!..

Хриплый голос уличной торговли тонул в реве проносившихся мимо автомобилей. Но, невзирая на отсутствие внимания со стороны потенциальных покупателей, она продолжала голосить, рискуя сорвать и без того надорванное горло. Женщина сидела на маленьком складном стульчике, упершись локтями в колени, и с равнодушием, граничащим с тупостью, смотрела прямо перед собой.

– Арбузы! Арбузы!.. Дыни!..

Она ненавидела и то, и другое. Ей был противен их сладковато-приторный аромат. Как была противна и алчность бесцеремонных ос, роem кружащихся над разрезанными половинками спелых плодов.

– Арбузы! Арбузы! Дыни!..

И чего, спрашивается, орать? Для кого? Если тебя никто не слышит? Вон они, эти торбы с деньгами, мчатся себе на доро-

гих, сверкающих в заходящем солнце автомобилях, и дела им нет ни до этой постылой горы полосатых арбузов, ни до этой пахучей дынной кучи.

Неподалеку взвизгнули тормоза. Ага! Кажется, кому-то все же захотелось вонзить зубы в сахарную мякоть плодов, возвращенных на благодатных почвах Астрахани.

— Почем арбузы? — деловито осведомилась моложавая дама в соломенной шляпке и потыкала пальцем в выставленную на прилавке половинку.

— Два рубля за кило, — ответила торговка, незаметно убавляя громкость магнитофона, стоящего у нее в ногах. — Будете брать?

— Пока не знаю. — Дама смерила ее высокомерным взглядом водянистых глаз непонятного оттенка и оглушительно взвизгнула: — Степа! Иди сюда, мой милый!

Степа не замедлил явиться. Его обрюзгший живот колыхался над резинкой хлопковых шорт. Шаркая шлепанцами, он подошел к супруге и, с тоской обведя взглядом торговую точку, вопросительно поднял бровь:

— Ну?..

— Что «ну»?! — не понижая голоса, ответила супруга вопросом на вопрос. — Будем брать?

— Зачем?

— Я что-то не совсем понимаю — куда ты едешь? — Дама грозно выпрямилась, подперев мясистые бока руками, и приготовилась вступить с мужем в перепалку. — Я тебя спрашиваю — куда ты едешь?

С интересом, возникшим непонятно по какой причине, продавщица наблюдала за супружеской стычкой, грозящей перерасти в грандиозную ссору. Во всяком случае, женская половина семейства страстно этого желала. Но супруг ее разочаровал. Поиграв желваками на выбритых до синевы скулах и мысленно наверняка послав ее не один раз и не в одно место, он пожал плечами и обронил:

— Бери сколько пожелаешь. Вам, на даче, может быть, и кстати будет. Мне их не есть. Сама знаешь — дела...

Ах, вон в чем дело! Жену с чадами, приплюснутыми носы к стеклу автомобиля, на дачу, а сам, значит, по делам. Отсюда и такая покорность и нежелание идти на поводу у супруги, затевающей склоку.

Понятно, понятно... Наверняка где-нибудь в уютном гнездышке ждет своего героя-любownika длинноногая девчонка-несмышлениш. Ждет, поглядывая на часы. Ждет, томясь одиночеством и предвкушением...

— Взвешивайте! — приказала властная дама, подозрительно смерив взглядом усмехающуюся торговку. — И по-

быстрее! Нечего тут мне глазами стрелять по чужим мужикам!

Ох, как велико было искушение сказать ей парочку соленьких словечек! Сбить немного спесь с ее разъевшейся физиономии. Опустить на грешную землю и заставить взглянуть на себя глазами стороннего наблюдателя. Увидела бы она тогда не властную матрону, а стареющую, весьма подурневшую толстуху, унизанную драгоценностями, нелепо выглядевшими в этот жаркий летний день, с расплывающимся от жары макияжем.

Но она ничего ей не сказала. Молча отпустила товар. Отсчитала сдачу, все вплоть до последней копейки. Даже про себя посочувствовала ей из чисто женской солидарности по поводу мужа-кобеля. Но напоследок все же не удержалась и подмигнула ему, пока супруга упаковывала покупку, неуклюже растопырившись над большой сумкой.

Подмигнула не просто так, а со значением. Вкладывая в это подмаргивание всю порочность красивой мерзавки, на какую была способна. И подумать только — он клюнул! Сразу вспотел сверх всякой меры. Засопел, молниеносно охватив взглядом и супругу, упаковывающую покупку, и детей, томящихся на жаре. Тут же скосил глаза на часы и следом — о боже! — подмигнул ей. И надо было видеть, как он это сделал! Высокомерие плюс снисходительность сквозили в его взгляде, норовя утопить ее в этой

чванливо-тошнотворной смеси. Плевать ему было на огромное брюхо, свисающее поверх резинки шорт. Плевать на то, что возраст его уже давно не плейбоевский. Гордость отмеченного женским вниманием самца засквозила в его глазах, от самодовольства он даже вроде бы стал выше ростом и поглядывал на окружающих сверху вниз.

Вот и рассуждай после этого о природе мужской неверности! Сказал ведь кто-то, что такого понятия вообще не существует, а есть всего-навсего попытка самоутверждения или что-то в этом роде. Стоял ведь минуту назад развалина развалиной и томился, а сейчас поди же ты — горы готов свернуть! Даже задышал по-другому!

— Степа?! — вовремя среагировала его супруга, распрявившись и отдуваясь, словно паровоз. — Чего это ты кочетом смотришь?! А ну-ка бери сумки и неси к машине!

Степа сразу обмяк, поскучнел и, с сожалением посмотрев в черные глаза лукавой чертовки, побрел к машине.

Глядя им вслед, продавщица настолько увлеклась, что не заметила, как совсем рядом остановился другой автомобиль. И лишь когда тихий женский голос окликнул ее по имени, она встрепенулась.

— Ксюша! — повторила миловидная женщина в легком пурпурном сарафане. — Очнись! Ты что там, привидение увидела?

— А-а-а, это ты, — равнодушно протянула торговка и вновь уселась на складной стульчик, подперев подбородок кулаком. — Чего приперлась?

— Здравствуй, во-первых. — Голосок, поначалу столь мелодичный, немного изменился, и в нем отчетливо прозвучали металлические нотки. — Надеюсь, поздороваться со мной тебе нетрудно, раз уж смотреть в мою сторону ты не хочешь.

— Привет, — буркнула Ксюша и, подумав, добавила: — Здравствуй, Мила. Как твои дела? Как здоровье? Что нового в твоём гостеприимном доме? Как поживает твой мерзавец-муж? Он, конечно, намного приятнее прежнего, но все равно мерзавец.

— Ну, знаешь, хватит! — не выдержала Мила и скорыми шагами приблизилась к подруге. — Мне надоело всякий раз выслушивать, как ты поносишь Максима. Он ничего тебе плохого не сделал! Как раз напротив!..

— Ну, ну... Давай! Чего же ты остановилась? — прищурилась Ксюша и все же соизволила повернуться лицом к Милочке. — Напомни мне, свинье неблагодарной, сколько добра он для меня сделал. Как протянул руку помощи, когда я оказалась почти на самом дне. Как пристроил к своим друзьям-абхазам арбузами торговать...

— И напомним! Черт бы тебя побрал! — Милочка сжала кулачки и со слезой в голосе продолжила: — Плюс к тому же обеспечил тебя жильем, выдернув из лап этих вокзальных негодяев! Да к тому же содержал тебя почти полгода, когда ты была не в состоянии заработать себе на жизнь!

— Ага, — обрадованно подхватила Ксюша. — Плюс к тому же выплата долга за его меценатство только вчера закончилась. И жилье мое, дорогая Мила, всего лишь жалкая девятиметровка в коммунальной квартире. За которую, подчеркиваю особо, я плачу ровно столько же, сколько за свою бывшую трехкомнатную квартиру...

— Но ты же сама знаешь, что это из-за того, что твоя коммуналка расположена в самом центре, — попыталась возразить Милочка, но сделала это как-то не очень уверенно, отчего Ксюша сделала вывод, что супруг с ней не особенно откровенен. — И... ему самому пришлось нелегко, выбивая ее для тебя...

— Ух ты! Оказывается, он хороший! Ой, дура я, дура! Максимка такой хороший, а я его... — дурашливо запричитала Ксюша, обхватив голову руками.

— Какая ты... — Милочка всхлинула и, всплеснув руками, обессиленно опустила прямо на арбузную кучу.

— Какая? — прищурилась подруга, сдувая с глаз упавшую прядь.

— Злая ты стала...

— А какая бы ты стала с металлической пластинкой в голове? Что бы с тобой было, с такой нежной, если бы на твоих глазах в упор расстреляли твоего любимого?..

— Я все понимаю... Я все понимаю... — зашептала Милочка, смахивая с розовых щечек слезы. — Но мы-то с Леркой здесь при чем?! Мы же тебя любим! А ты сторонишься нас! Сколько мы тебя просили пожить у нас после того, как...

— Я не желаю больше об этом говорить! — Ксюша встала со стульчика и свысока, как бывало когда-то, посмотрела на подругу. — Утри слезы и уходи. И еще прошу... Оставьте меня в покое. Нет меня больше, понимаешь?! Нет!!! Я умерла вместе с Игорем...

— Но Виктор! — попыталась возразить Милочка и тут же была схвачена сильной рукой за предплечье. — Ты чего?! Мне же больно!..

— Вали отсюда, Милка. Прошу пока по-хорошему... — Угольные глаза Ксении прожигали подругу насковзь, и той на минуту показалось, что она ее сейчас ударит. — И не смейте больше лезть в мою жизнь! Слышите, вы все?! Не смейте!!! А сейчас пошла вон...

Спотыкаясь на высоких каблучках открытых танталеток, утирая влажные ладони о подол помятого сарафанчика, Милочка побрела к своей машине, ярко-алой «Субару» — недавнему подарку супруга, которого Ксюша отчего-то окрестила мерзавцем. На ходу она продолжала всхлипывать, всплескивать руками и что-то еще говорить, причитать, очевидно пытаясь увещевать свою несговорчивую подругу. Но убеждала-то скорее всего себя, стараясь не оставлять в сердце места для обиды и горечи, невольно пробуждающихся при каждой их встрече. Не имела она права ни судить, ни обижаться на Ксению. Все, чего ей хотелось, так это помочь ей. Помочь обрести самое себя. Стать такой, какой она была прежде: сильной, несгибаемой, уверенной в себе. А не той, которая сейчас: опустошенной, озлобленной и... равнодушной.

— Оставь ее, Милочка, — всхлипывала всякий раз на ее плече Валерия, их третья подруга. — Дай ей время. Она сама должна найти в себе силы. Мы ничего не сможем сделать...

— Да?! Я должна сидеть и смотреть, как она превращается в ничто?! Как глаза ее тухнут, взгляд меркнет, сердце останавливается?! Я так не могу! Я должна ей помочь!..

Может быть, Милочка излишне сгущала краски, давая оценку теперешнему состоянию Ксюши, но одно несомненно —

она не успокаивалась, пытаясь пробиться сквозь ее ледяной панцирь. Раз за разом, день за днем она ездила на этот участок дороги, где подруга вела торговлю фруктами, и пыталась ее уговорить.

Но Ксюша была весьма крепким орешком. Она смеялась ей в лицо, порой и оскорбляла. Цинично вываливала в грязи все добрые помыслы Милочки, буквально отрещиваясь от их многолетней и верной дружбы. Что за протест выражала тем самым Ксения, бедной Милочке было невдомек, она не очень-то и хотела копаться во всем этом. Она просто не оставляла своих попыток вернуть подругу к жизни, и все. Все остальное было ей не важно...

ГЛАВА 2

Одна секунда... Вторая... Негромкий хлопок, и Игорь падает к ее ногам. Ее любимого мужчины, мужчины, за которым она была готова пойти на край света, больше нет. Все кончено... Не будет больше его смеха, его жарких слов любви, его безграничного доверия. Ничего этого больше не будет...

Остановившимся взглядом она смотрит на его тело и медленно поднимает глаза. Маленькая черная точка дула пистолета пляшет в нервной руке ухмыляющегося парня. Почему-то

ничто так отчетливо не запомнилось, как грязная каемка под его ногтями и еще эта жуткая ухмылка. Так, должно быть, ухмыляется знаменитая дама в саване, с косой на плече. Криво так, устрашающе и в то же время ободряюще. Не бойся, мол, ничего. Смело вступай на новый путь, где совсем другой отсчет времени. Где нет боли и страха...

С этим Ксюша не могла не согласиться. Время действительно остановилось. Страх тоже почти не было. Вернее, он присутствовал, но ранее, когда они с Игорем собирались, лихорадочно хватая все, что попадалось под руку. Сейчас же осталось лишь недоумение и неверие в то, что какой-то оборванный парень с явными признаками наркомании может лишиться ее жизни. Той жизни, что даровали ей ее родители. Той, что она собиралась прожить на всю катушку без остатка. И умереть надеялась в глубокой старости в собственной постели, а не издохнуть так вот нелепо, с дыркой в голове, у ног какого-то дегенерата.

— Э-эй! — шепотом позвал ее киллер. — Гуд-бай...

Это были последние слова в той жизни. Последнее, что она слышала, доживая свой век. Потом ее не стало...

Ксюша оторвала взгляд от их с Игорем фотографии на стене и тяжело вздохнула. Тот парень простился с ней, а заодно и за нее со всеми одновременно. Пусть врачи долгое время

бились, пытаясь вдохнуть жизнь в ее ослабевшее тело. А потом она была окружена вниманием, заботой и любовью своих друзей. Она-то точно знала, что ее уже нет. Существовала непонятная субстанция из мяса, костей и кожи, но это был не человек. Это была уже не она...

— Ксюха! — Сосед Володя громко шарахнул кулаком в тонюсенькую фанерную дверь. — Дай полтинник!

Ксюша повернула голову в сторону двери и пораскинула мозгами. Дать денег — значило навлечь на себя и на других обитателей их коммуналки, а их насчитывалось ни много ни мало еще двенадцать человек, неприятности. Выглядело это следующим образом.

Сначала Володя развивал бурную деятельность по приговлениям к ужину. Он носился с единственной имеющейся у него кастрюлей по кухне, расталкивая всех присутствующих. Разбрызгивал воду, намывая картошку в раковине. Гремел стаканом и тарелками, расставляя все это на общем столе. Затем он бежал в магазин, приносил заветную бутылку водки и, причесавшись перед осколком зеркала в полутемном коридоре, усаживался за стол. Свою комнату в такие моменты он упорно игнорировал. Общество, видите ли, ему было нужно. То, как это самое общество относится к его посиделкам, его совершенно не волновало.

Но самое интересное начиналось потом. Когда бывала выпита добрая половина бутылки, Володя шел, качаясь, к себе в комнату. Доставал из-за шкафа выдавшую виды балалайку и, усевшись поудобнее, начинал петь...

Ксюшу в такие минуты не раз посещали мысли о самоубийстве. И, как она подозревала, в этом желании она была не одинока.

И все же... И все же это ужасное, козлино-петушиное пение, если издаваемые алкоголиком звуки можно было так называть, было ничто в сравнении с его злобой и ненавистью, в которых он топил своих соседей, отказавших ему в очередном денежном пособии. Оскалив рот, Володя потоками изрыгал на окружающих потоки брани, раз за разом превосходя самого себя в искусстве сквернословия. Хлипкие двери, за которыми обитатели коммуналки пытались скрыться от Володино гнева, не могли спасти от его оглушительного рева, поэтому каждый должен был выслушивать постороннее мнение о себе как о личности.

Ксюша поначалу недоумевала по поводу такой покорности со стороны жильцов. Существовали же, в конце концов, соответствующие органы, воспитательные учреждения. О чем она и не преминула однажды заикнуться своей ближайшей соседке, занимающей двенадцатиметровку слева от нее.

— Э-эх, милочка, — качнула седеющими буглями старая женщина. — Пытались... Но после того как вытащили его из петли, решили оставить все как есть. Человек же, не животное...

Сейчас этот самый человек стоял у порога Ксюшиной комнаты и гвоздил кулаком в дверь.

— Ксюха, дай полтинник! — вновь повторил Володя, заинтригованный ее молчанием. — Я знаю — ты дома...

Как он успел отследить ее возвращение, будучи где-то на шабашке, для Ксюши оставалось загадкой. Она свесила ноги с дивана, надернула тапочки и, на ходу взвешивая все «за» и «против», двинулась к двери.

— Ну?! — скрестила она руки перед грудью и угрожающе уставилась на соседа. — Чего орешь?! Чего нужно?!

— А то ты не слышала! — Наглости и бесцеремонности Володи можно было только позавидовать. — Гони полтинник. Со мной послезавтра рассчитаются, так что я верну.

— Да ты что?! — Ксюша насмешливо изогнула бровь, решив все же немного его помучить.

— Ты это... — Сосед облизнул пересохшие губы и оперся трясущейся рукой о притолоку. — Хорош выделяваться. Плохо мне...

Повнимательнее присмотревшись к нему, Ксюша поняла, что он не врет. Лицо одутловатое, синюшного оттенка. Губы